

EDN: CSCJEX
УДК 159.9 + 316.6

Public Activity as a Tool for Preventing Frustration of Basic Needs and Socially Dangerous Human Behavior

Tadeush P. Milcharek^{*a}, Natalya A. Milcharek^a,
Valentina A. Marenko^b, Olga A. Tsvetkova^a,
Ekaterina V. Belikova^a, Pavel Yu. Shilnikov^a,
Albert V. Soskovets^a and Kristina S. Medvedeva^a

^a*Omsk State Technical University
Omsk, Russian Federation*

^b*Sobolev Institute of Mathematics
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 12.07.2024, received in revised form 30.07.2024, accepted 12.10.2024

Abstract. The purpose of the work is to characterize meaningfully and determine empirically the possibilities of social activity to reduce the frustration of basic needs and various forms of socially dangerous human behavior. The methodological foundations of the conducted research were the principles of cultural-historical, system-activity, resource and cognitive-behavioral approaches with the methods and technologies of modern cognitive science. The theoretical provisions of the study were worked out using cognitive modeling and graph theory. The functioning of cognitive models was tested by means of a simulation computational experiment and a mathematical method of simplicial analysis. The results of the experiment demonstrated an unambiguous direct relationship between the level of frustration of a person's basic needs, as well as his self-realization, and the degree of his involvement in social activities. The wide participation of people in public activities allows for comprehensive and full actualization of basic needs and thereby reduce the risks of socially dangerous behavior, especially addictions and, in particular, drug addiction.

Keywords: social activities, volunteerism, frustration of basic needs, socially dangerous behavior, addiction, drug addiction.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Milcharek T. P., Milcharek N. A., Marenko V. A., Tsvetkova O. A., Belikova E. V., Shilnikov P. Yu., Soskovets A. V., Medvedeva K. S. Public activity as a tool for preventing frustration of basic needs and socially dangerous human behavior. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(11), 2127–2141. EDN: CSCJEX

Общественная деятельность как инструмент профилактики фрустрации базовых потребностей и социально опасного поведения человека

Т.П. Мильчарек^а, Н.А. Мильчарек^а, В.А. Маренко^б,
О.А. Цветкова^а, А.В. Сосковец^а, Е.В. Беликова^а,
П.Ю. Шильников^а, К.С. Медведева^а

^а Омский государственный технический университет
Российская Федерация, Омск

^б Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН
Российская Федерация, Новосибирск

Аннотация. Цель работы: содержательно охарактеризовать и эмпирически определить возможности общественной деятельности для снижения фрустрации базовых потребностей и различных форм социально опасного поведения человека. Методологическими основаниями исследования стали принципы культурно-исторического, системно-деятельностного, ресурсного и когнитивно-поведенческого подходов с методами и технологиями современной когнитивистики. Теоретические положения прорабатывали с применением когнитивного моделирования и теории графов. Функционирование когнитивных моделей проверяли посредством имитационного вычислительного эксперимента и математического метода симплицального анализа. Результаты эксперимента продемонстрировали однозначную прямую зависимость уровня фрустрации базовых потребностей человека, а также его самореализации со степенью включенности в общественную деятельность, что позволяет комплексно и полноценно актуализировать базовые потребности и снижать риски возникновения социально опасного поведения, в особенности аддикций, и, в частности, наркомании.

Ключевые слова: общественная деятельность, добровольчество (волонтерство), фрустрация базовых потребностей, социально опасное поведение, аддикция, наркомания.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Мильчарек Т.П., Мильчарек Н.А., Маренко В.А., Цветкова О.А., Сосковец А.В., Беликова Е.В., Шильников П.Ю., Медведева К.С. Общественная деятельность как инструмент профилактики фрустрации базовых потребностей и социально опасного поведения человека. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(11), 2127–2141. EDN: CSCJEX

Введение в проблему исследования

Базовые потребности человека уже давно являются объектом психологических и междисциплинарных исследований в са-

мых различных предметных аспектах. Так, например, характер базовых потребностей в связи со структурой жизненных стремлений рассматривается в работах Т.Д. Василенко. В статьях Е.Ю. Почтаревой базовые потреб-

ности включаются в процессы самодетерминации профессиональной деятельности. А. В. Селин связывает базовые потребности и жизнестойкость личности, а Т. А. Дворецкая совершенно справедливо видит в них предиктор мотивации учебной деятельности, а также стиля педагогического взаимодействия. В то же время в трудах Т. В. Левковой отчетливо проводится идея связи базовых потребностей с дезадаптивными формами поведения. Это дает возможность утверждать необходимость изучения фрустрации базовых потребностей человека и связь этого психологического феномена с развитием и профилактикой социально опасных форм поведения.

Фрустрация базовых потребностей подробно анализируется в работах О. В. Волковой, О. А. Цветковой, А. В. Рупека, А. Ю. Шадринной, К. М. Дубенюк, П. Р. Юсупова, Т. А. Мардасовой, А. С. Кузьминой. Большое внимание базовым потребностям как фактору сохранения психологического здоровья, развития смысловой сферы, толерантности и мобильности личности уделяется в исследованиях Т. Ю. Артюховой, О. В. Беньковой, Т. П. Шелкуновой, Н. В. Басалаевой. Различные формы социально опасного поведения стали предметом психологических и междисциплинарных исследований В. Р. Шлычкова, Ю. А. Клейберга, М. М. Решетникова, Е. В. Руденского, Т. П. Авдуловой, Л. Б. Шнейдер, И. А. Егорова, Н. Г. Савиной, Г. И. Колесниковой, А. А. Рожкова, В. А. Юренковой, И. Л. Лукашковой, А. В. Сосковца, В. А. Маренко и др. Взаимосвязь базовых потребностей и формирования психологических предикторов социально опасного поведения раскрыта в работах А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. Н. Ениколопова, М. Ш. Магомед-Эминова, Р. В. Кадырова, Т. П. Мильчарек, Н. А. Мильчарек, В. С. Кубарева, Ю. А. Атаджыковой, А. С. Эльзессер и др.

На социальный характер базовых потребностей и их роль в становлении человека указывали еще Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев. Особое место базовые потребности занимают в теории психологических систем В. Е. Ключко. В целом

ряде работ В. Е. Ключко и Э. В. Галажинского базовые потребности рассматриваются в пространстве многомерного мира человека. Развернутую концепцию базовых потребностей человека разработал В. П. Герасимов. По его мнению, к таковым относятся потребность в принятии и защищенности, потребность в константности положительных отношений, потребность в положительных, социально одобряемых результатах деятельности, в положительных жизненных перспективах, потребность в высоком социометрическом статусе, потребность в самодостаточности и альтруизме.

Постановка проблемы

Актуализация базовых потребностей, по мнению В. П. Герасимова, является фундаментом, центральным смыслообразующим стержнем разворачивания многомерного мира человека. «Выпадение» какой-либо из них может приводить к обрушению всего «каркаса» личности, оставлять неизгладимый след в онтогенезе личностных структур. Неактуализированная базовая потребность требует компенсации. Этот механизм был детально описан А. Адлером. Недостаточная удовлетворенность какой-либо из базовых потребностей приводит к формированию чувства неполноценности, которое, в свою очередь, требует замещения через превосходство, что в случае невозможности конструктивной реализации через активную социальную коммуникацию приводит к личностной и социальной деструктивности. Уже поэтому становится ясно, что недостаточная актуализация или фрустрация базовых потребностей может становиться психологическим предиктором социально опасных форм поведения.

В силу этих обстоятельств авторами статьи выдвигаются две гипотезы. Первая гипотеза о взаимосвязи фрустрации базовых потребностей и социально опасных форм поведения. В качестве примера социально опасной формы поведения было рассмотрено аддиктивное поведение в части риска распространения наркомании.

Вторая гипотеза о возможности профилактики социально опасных форм поведения посредством включения человека в общественную деятельность, в частности в добровольчество.

Методология

Методологическими основаниями проведенного исследования являлись принципы культурно-исторического, системно-деятельностного, ресурсного и когнитивно-поведенческого подходов с методами и технологиями современной когнитивистики.

В основу разработки когнитивных моделей общественной деятельности, базовых потребностей и общественно опасного поведения положена теория психологических систем В.Е. Ключко. Теоретические положения исследования прорабатывались с применением когнитивного моделирования и теории графов. Функционирование когнитивных моделей проверялось посредством имитационного вычислительного эксперимента и математического метода симплициального анализа.

Концептологические основания исследования

В психологической практике нередко встречаются такие термины, как «зависимость» и «аддикция». Эти термины всегда рассматриваются с негативной стороны, при этом воспринимаются как вредные и разрушительные привычки.

Проводя сравнение данных терминов, можно сказать, что зависимое поведение – это не всегда аддикция. «Аддиктивное поведение – стремление к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния» (Korolenko et al., 2007). Аддиктивное поведение – один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности путём искусственного изменения своего психического состояния, посредством применения некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержа-

ния интенсивных эмоций» (Mendelevich, 2006).

В настоящее время зафиксировано около 30, а то и более разновидностей аддиктивного поведения. Всех их перечислить не представляется возможным, поэтому перечислим самые распространенные виды аддиктивного поведения: химические, биохимические и нехимические. Наиболее опасными являются химические аддикции, которые проявляются как алкоголизм, наркомания, табакокурение и т.д. После идут биохимические аддикции (неправильное питание). И нехимические аддикции (поведенческие), которые проявляются как компьютерная зависимость, интернет-зависимость, сексуальная зависимость и т.д.

Как отмечают ряд исследователей, в наши дни условия, способствующие распространению аддиктивного поведения среди подростков, значительно усилились. Факторы, такие как низкий адаптационный потенциал, неопределенность и страх перед реальностью, а также кризис духовных и семейных ценностей, оказывают существенное воздействие на нестабильную личность подростка. В результате этого процесса формируется аддиктивное поведение, которое является одним из проявлений девиантного поведения. Подростки стремятся изменить свое психоэмоциональное состояние и избежать реальности через употребление различных веществ, таких как алкоголь, табак и наркотики (Talapova, Ponomarev, 2024).

Одним из самых страшных видов аддиктивного поведения является наркотическая зависимость. По своей сути наркомания – это болезнь, которую человек выбирает себе самостоятельно и добровольно, тем самым постепенно приближая себя к мучительной смерти. Данное явление довольно популяризировано среди современных молодых людей и уже приобрело масштаб эпидемии, с каждым годом количество наркоманов растет ужасающими темпами, что подтверждается официальными отчетами Министерства внутренних дел Российской Федерации. «Наркомания

(от греч. «narke» – оцепенение и «mania» – страстное влечение) – заболевание, возникающее в результате употребления наркотических средств, вызывающих в малых дозах эйфорию, в больших – оглушение, наркотический сон. Характеризуется непреодолимым влечением к приему наркотиков, тенденцией к повышению употребляемых доз, формированием абстинентного синдрома, психической и физической зависимостью» (Ivanets, 2006).

Когнитивная модель

«Риск распространения наркомании»

Обзор научных публикаций показал, что основными методами изучения заявленной проблемы являются статистические методы. Нами предлагается использовать когнитивный подход, в который включаются процессы восприятия, мышления, объяснения исследователей, и формируются новые субъективные образы исследуемой проблемы (Marenko et al., 2022). В нашей работе когнитивный подход реализуется как последовательность выполнения следующих задач. Фиксация целевого фактора «риск распространения наркомании», выявление влияющих факторов, построение когнитивной модели и ее анализ с применением информационных технологий (Sukhodolov et al., 2019). Факторы, влияющие на риск распространения наркомании, обсуждаются во многих научных публикациях. Например, в статьях Ельшанского С.П. дан перечень показателей, по которым на основе самоотчета испытуемого можно предполагать наличие или отсутствие у него наркотической зависимости (Yelshanskiy, Abramishvili, 2022). Им же рассматривается термин «коммуникативная дефицитарность», которым обозначается неспособность человека с зависимостью распознавать ситуации обмана, противостоять групповому давлению и другим негативным психологическим факторам. Абдуллин С.Н. и Битшева А.В. отметили важность таких факторов, как пропагандистская «деятельность СМИ», высокая «латентность» наркопреступлений, обусловленная выгодой как для сбытчиков, так

и для потребителей наркотиков (Abdulin, Bitsheva, 2023). Гилядова И.А. рассмотрела связь между деградацией личности, употребляющей наркотические средства, и ростом преступности с применением статистических средств (Lozhnikov, Marenko, 2020) и т.д. Выявленные факторы являются управляющими и используются для построения когнитивной модели в виде взвешенного ориентированного графа, вершинами которого являются выявленные факторы, а дугами – взаимосвязи между ними в формате причинно-следственных отношений, которые формировались в ходе экспертных рассуждений (рис. 1). Например, «чем больше интенсивность взаимодействия граждан, тем меньше латентность распространения наркотиков», по принципу народной мудрости: «шила в мешке не утаишь». «Чем больше контроль распространения наркотиков, тем меньше риск распространения наркомании». В обоих случаях имеем обратную взаимосвязь между факторами.

Обсуждение 1. Результаты первой серии вычислительного имитационного эксперимента

С когнитивной моделью проводится имитационный эксперимент, который показывает поведение изучаемой системы в лабораторных условиях. Первый эксперимент проведен при условии внесения одной условной единицы во все управляющие факторы. В этом случае значения целевого фактора составили 0,75 усл. ед. (рис. 2).

При условии имитации улучшения факторов 5 и 6 «коммуникативная дефицитарность» и «уровень правосознания» индивида в 5 раз, целевой фактор «риск распространения наркомании» уменьшился до нуля (рис. 3). Объяснение феномена следующее. Факторы 5 и 6 входят в контур положительной обратной связи, который усиливает (в нашем случае улучшает) целевой фактор «риск распространения наркомании». «Коммуникативная дефицитарность» и «уровень правосознания» являются субъективными управляющими факторами когнитивной модели, то есть находящимися в пространстве сознания, воли

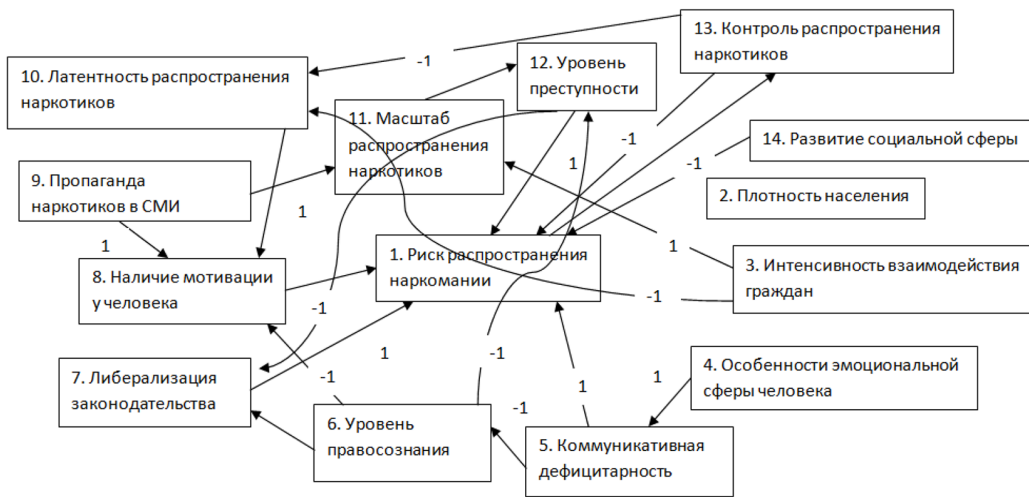

Рис. 1. Когнитивная модель «Риск распространения наркомании»
 Fig. 1. The cognitive model of “The risk of spreading drug addiction”

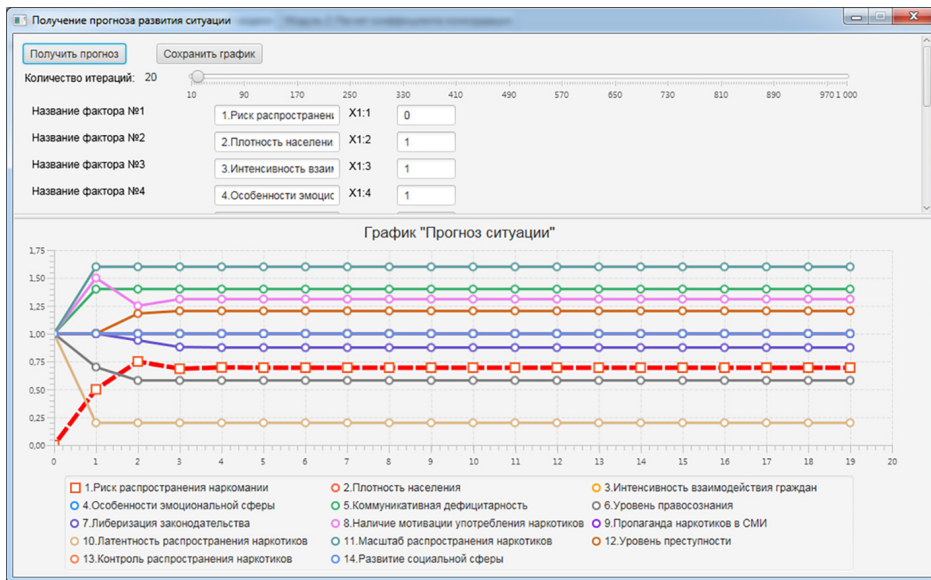

Рис. 2. Результаты 1-го имитационного эксперимента
 Fig. 2. Results of the 1st simulation experiment

и целенаправленной активности человека. В данном случае компенсация недостатка общения путем выстраивания коммуникации в социальной среде, где субъекты взаимодействия ориентированы на социальную норму, позволит существенно снизить риск формирования тенденции к употреблению наркотиков.

При имитации улучшения фактора 3 «интенсивность взаимодействия граждан» в 5 раз, значения целевого фактора близки к нулю. Объяснение следующее. Фактор 3 входит в контур положительной обратной связи и улучшает целевой фактор, но при этом он входит и в контур отрицательной обратной связи, который ухудшает целевой

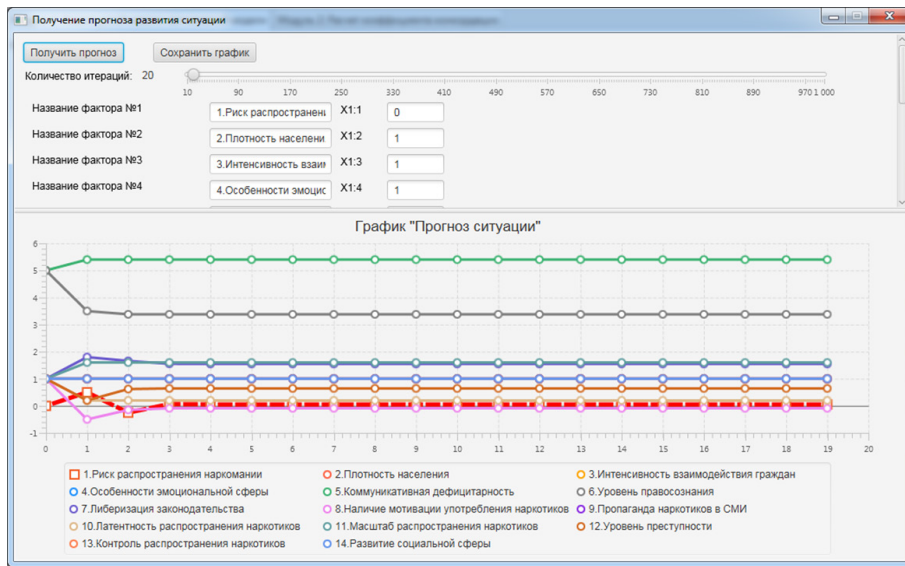

Рис. 3. Результаты 2-го имитационного эксперимента
 Fig. 3. Results of the 2nd simulation experiment

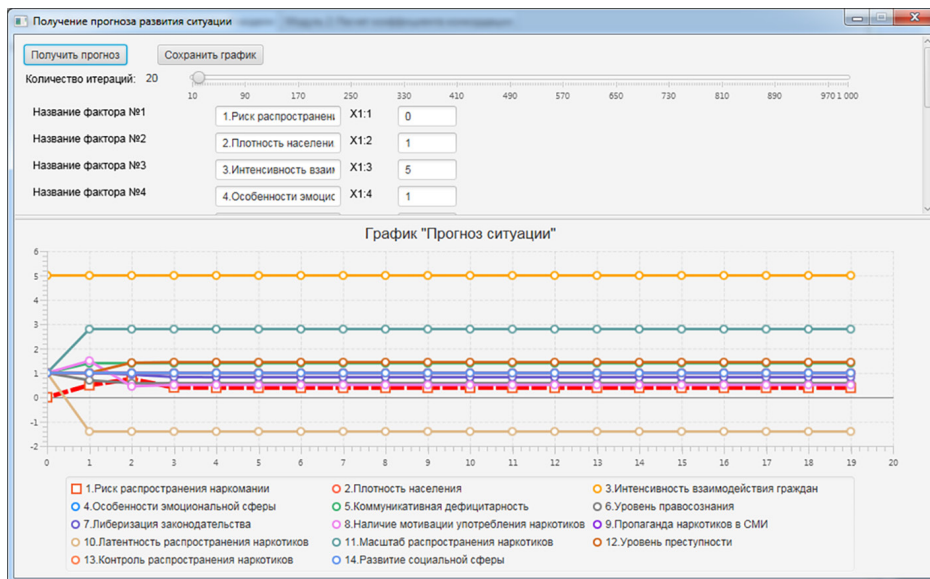

Рис. 4. Результаты 3-го имитационного эксперимента
 Fig. 4. Results of the 3rd simulation experiment

фактор, поэтому значения целевого фактора немного подросли и составили 0,2 усл. ед. (рис. 4). «Интенсивность взаимодействия граждан» также является субъективным управляющим фактором когнитивной модели, его амбивалентность объясняется

опять же вариативностью той социальной среды, где субъект устанавливает связи. Если усиление взаимодействия путем включения субъекта в различные коммуникативные ситуации осуществляется в среде с социально-нормативным поведением,

то риск формирования тенденции к употреблению наркотических веществ существенно снижается. Однако в том случае, если этот процесс протекает в социальной среде с девиантным поведением, риск распространения наркотиков заметно увеличивается.

Результаты проведенного исследования, в частности вычислительного эксперимента, показывают роль и значение субъективных факторов в процессе совместной деятельности социальных факторов, направленной на снижение рисков распространения наркотиков. Таким образом, усиление таких факторов, как осознанность и коммуникативность вместе с развитием просоциальной направленности личности позволит достичь выраженного улучшения ситуации с формированием установки на отказ от наркотиков и снизить риски их распространения.

Положительного результата в процессе профилактики асоциальных явлений и формирования позитивных жизненных приоритетов можно достичь только в результате общей заинтересованности и совместной координации усилий, а общее снижение уровня наркомании в стране, несомненно, будет способствовать повышению качества жизни граждан.

Когнитивная модель

«Фрустрация базовых потребностей»

Фрустрация базовых потребностей – это состояние или процесс, при котором субъект испытывает невозможность удовлетворения своих потребностей, являющихся ключевыми в развитии человека и оказывающих существенное воздействие на процесс формирования его личности (Abbdulin, Bitsheva, 2023). Более полное определение принадлежит Н.Д. Левитову. Он определяет фрустрацию как «психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так воспринимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи» (Korolenko et al., 2007).

Длительное фрустрирующее воздействие оказывает дезорганизующее влияние на личность человека, формируя в том числе деструктивные паттерны поведения, искажая ценностно-смысловые основания жизнедеятельности, препятствуя социализации и снижая качество жизни (Tapalova, Ponomarov, 2024).

Общественная деятельность может рассматриваться как фактор снижения негативных тенденций в развитии личности и формирования ее психологического здоровья и благополучия. Ключевыми здесь являются такие основополагающие характеристики общественной деятельности, как ее просоциальная направленность (стремление человека совершать социально полезные и общественно важные деяния, удовлетворяющие интересы и потребности других, выраженное в альтруизме, сотрудничестве, и умение делиться и оказывать помощь окружающим (Marenko et al., 2022; Sukhodolov et al., 2019)) и высокая субъектность (по мнению С.Л. Рубинштейна, это самостоятельная активность и самореализация, осознанная саморегуляция, характеризующая степень взаимодействия субъекта с окружающим его миром (Yelshanskiy, Abramishvili, 2022)).

Посредством общественно полезной деятельности происходит реализация и развитие собственных потенциалов личности, самореализация и дальнейшее самоосуществление, укрепление социальных связей, развитие стрессоустойчивости, целеустремленности, гражданской активности, навыков лидерства и коммуникации, формирование чувства собственной значимости, принадлежности обществу в целом и идентичности (Mendelevich, 2006).

Общественная деятельность, снижая фрустрацию базовых потребностей, способствует изменению взглядов и убеждений по отношению к родительским фигурам, и в первую очередь к матери, при ранее присутствующем негативно оцениваемом влиянии их воспитательного воздействия в процессе взросления ребенка и формирования его личности. В первую очередь такое взаимодействие с матерью включает

в себя невозможность удовлетворения потребности в поддержке, одобрении и эмоциональной привязанности, свободе выбора и чувстве компетентности, за счет ее выраженной враждебности, непоследовательности ее поведения и директивных проявлений во взаимодействии.

Общественная деятельность также формирует в человеке умения справляться с последствиями произошедшей на более ранних периодах онтогенетического развития фрустрации с помощью выработки путей конструктивного решения фрустрирующих событий. В частности, за счет поиска рационального и логичного объяснения различных аспектов сложившейся ситуации для сохранения душевного равновесия и избегания беспокойств, так как в процессе активной реализации общественной деятельности формируются более зрелые механизмы психологической защиты: рационализация, интеллектуализация (Ivanets, 2006).

Общественная деятельность, таким образом, становится инструментом поддержания личностного благополучия человека, предоставляя возможности для повышения социализации личности и способствуя снижению влияния фрустрации базовых потребностей, произошедшей в более ранние периоды.

В силу этого для эффективной профилактики социально опасных форм поведения, в частности аддикций и риска распространения наркомании, важно использовать социальные методы, в частности, вовлекать молодежь в общественную добровольческую деятельность. Добровольчество представляет собой уникальный способ воздействия на молодежь и формирование их ценностных ориентаций.

Исследования показывают, что участие в добровольческих программах способствует снижению риска употребления наркотиков среди молодежи. Добровольцы, работающие в области профилактики наркомании, могут оказывать значительное влияние на сверстников и сообщество в целом. Их активность способствует распространению знаний о вреде наркотиков, формированию здорового образа жизни и поддержанию

психологического благополучия среди молодежи. Добровольческая деятельность стимулирует развитие социальных навыков, ответственности и эмоциональной стабильности у участников, что способствует общественной активности и вовлеченности в решение важных проблем.

Добровольцы, участвующие в проектах по профилактике употребления психоактивных веществ, не только предоставляют информацию о вреде наркотиков, но и служат примером здорового образа жизни и позитивного поведения. Их участие способствует созданию благоприятной среды для обмена опытом, поддержки и взаимного влияния на позитивные жизненные практики. Добровольчество становится мощным инструментом социальной адаптации и профилактики негативных явлений в обществе.

Вовлечение в добровольчество с целью профилактики употребления психоактивных веществ является эффективным и перспективным подходом в работе с молодежью. Позитивное влияние добровольцев на формирование здоровых привычек, ценностей и социальной ответственности подтверждает важность и необходимость развития добровольческого движения в области профилактики употребления наркотиков. Дальнейшее исследование и поддержка добровольческих инициатив в этой сфере могут способствовать созданию здорового и безопасного общества, свободного от вредных привычек и зависимостей.

Таким образом, вовлечение в добровольчество с целью профилактики употребления психоактивных веществ не только способствует снижению риска наркомании среди молодежи, но и формирует позитивные ценности, развивает социальные навыки и способствует общественной активности и взаимопомощи. Добровольчество становится мощным инструментом в борьбе с наркоманией и создании здорового общества.

С применением рассмотренных выше факторов сформирована когнитивная модель «Фрустрация базовых потребностей» (рис. 5).

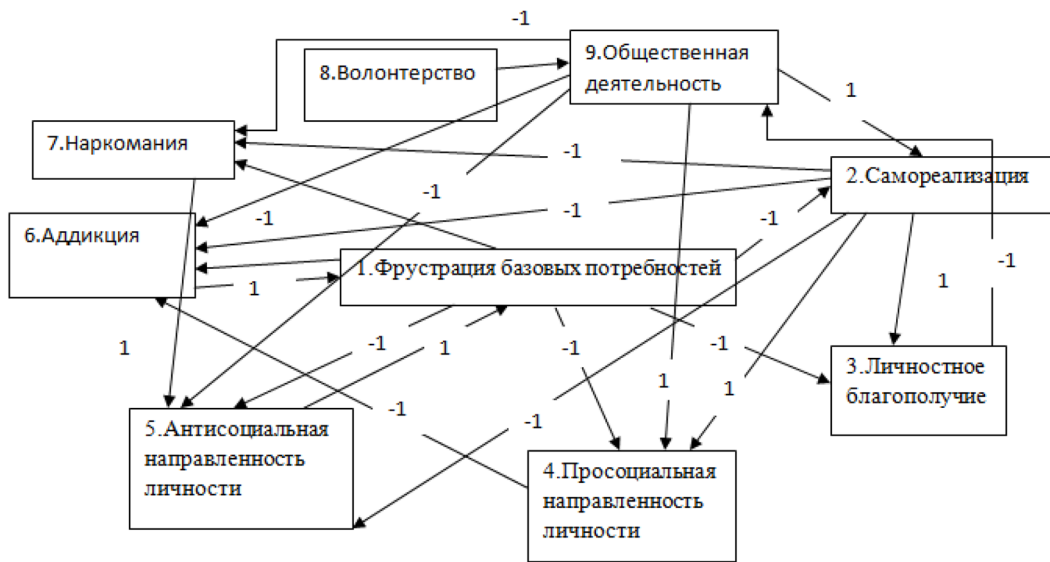

Рис. 5. Когнитивная модель «Фрустрация базовых потребностей»

Fig. 5. The cognitive model of "Frustration of basic needs"

Обсуждение 2. Результаты второй серии вычислительного имитационного эксперимента

На рис. 5 представлена модель в виде знакового орграфа. Целевой фактор модели обозначен цифрой «1». Остальные факторы – управляющие. Стрелки на рисунке обозначают взаимосвязи между факторами. Цифры «1» и «-1» – прямое и обратное направления связей. Взаимосвязи между факторами формируются в ходе экспертных рассуждений по схеме «если А, то В», где А – причина, В – следствие. Например, «если больше несоответствия желаний имеющимся возможностям, то меньше включенность в общественную деятельность»; «если больше несоответствия желаний имеющимся возможностям, то самореализация личности меньше». В обоих случаях взаимосвязи между факторами обратные. С когнитивной моделью проведен имитационный эксперимент, который показал следующие результаты. При условии внесения импульса по одной условной единице во все управляющие факторы, значения целевого фактора устанавливаются на уровне $(-0,55)$ усл.ед. (рис. 6). Если в фактор 5 «общественная деятельность» вносился

импульс 5 усл.ед., что соответствует имитации увеличения фактора в 5 раз, то значения целевого фактора снижаются и составляют $(-6,0)$ усл.ед. (рис. 7).

Таким образом, подтвердилась общая функциональность построенной когнитивной модели психологических процессов.

Следовательно, при усилении включенности субъекта в общественную деятельность фрустрация базовых потребностей резко снижается при этом адекватно приложенному импульсу.

Таким же образом, как и в предыдущем процессе, происходит усиление самореализации человека.

Однако обратную ситуацию мы наблюдаем при усилении фактора «личностное благополучие». Снижение фрустрации базовых потребностей происходит незначительно.

Также при увеличении фактора 8 «волонтерство» в 5 раз значения целевого фактора практически не изменились по сравнению с результатом первого имитационного эксперимента (рис. 10).

В то же время при увеличении аддикции фрустрация базовых потребностей также существенно усиливается.

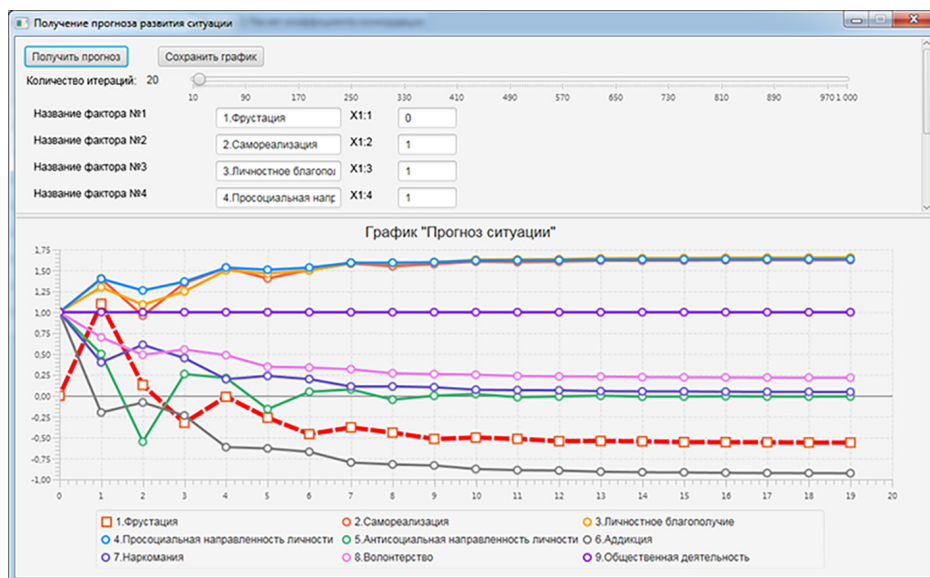

Рис. 6. Целевой фактор равен $-0,55$ усл.ед. Условие: по 1 усл.ед. во все управляющие факторы
 Fig. 6. The target factor is equal to -0.55 cont.units. Condition: 1 cont.units in all control factors

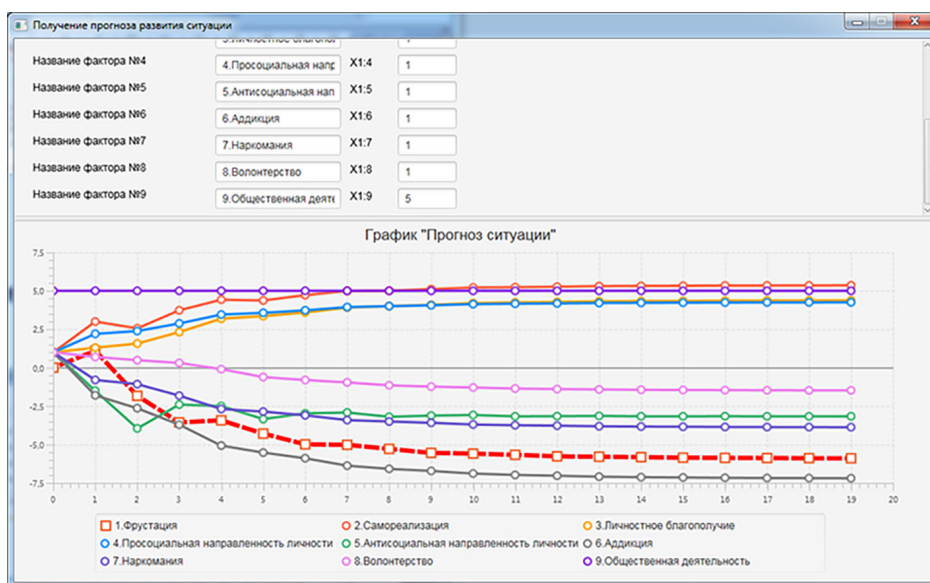

Рис. 7. Целевой фактор равен $-6,0$ усл.ед. Условие: увелич. в 5 раз управляющий фактор 9 (общ.деят).
 Целевой фактор снижается (-6.0) по сравнению с первым имитационным экспериментом
 Fig. 7. The target factor is equal to -6.0 conl.units. Condition: the control factor 9 is increased by 5 times (total. act).
 The target factor decreases (-6.0) compared to the first imitation. expert

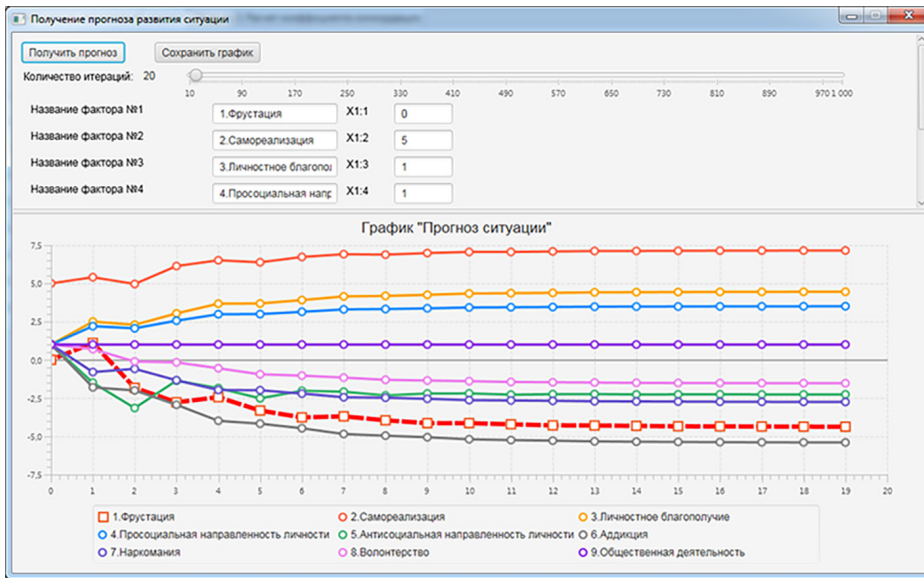

Рис. 8. Целевой фактор равен $-4,5$ Условие: увелич. в 5 раз управляющий фактор 2 (самореализация).
Целевой фактор снижается ($-4,5$) по сравнению с первым имитационным экспериментом

Fig. 8. The target factor is -4.5 Condition: the control factor 2 (self-realization) is increased by 5 times. The target factor decreases (-4.5) compared to the first imitation.expert.

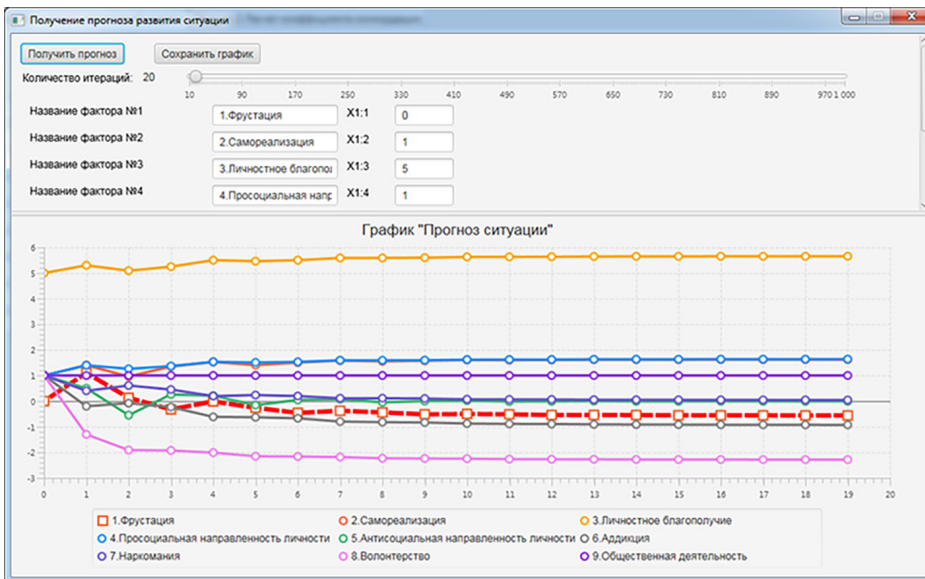

Рис. 9. Целевой фактор равен $-0,5$ Условие: увелич. в 5 раз управляющий фактор 3 (лич.благополучие).
Целевой фактор немного увелич. ($-0,5$) по сравнению с первым имитационным экспериментом

Fig. 9. The target factor is -0.5 Condition: the control factor 3 (personal well-being) is increased 5 times. The target factor is slightly increased (-0.5) compared to the first imitation.expert.

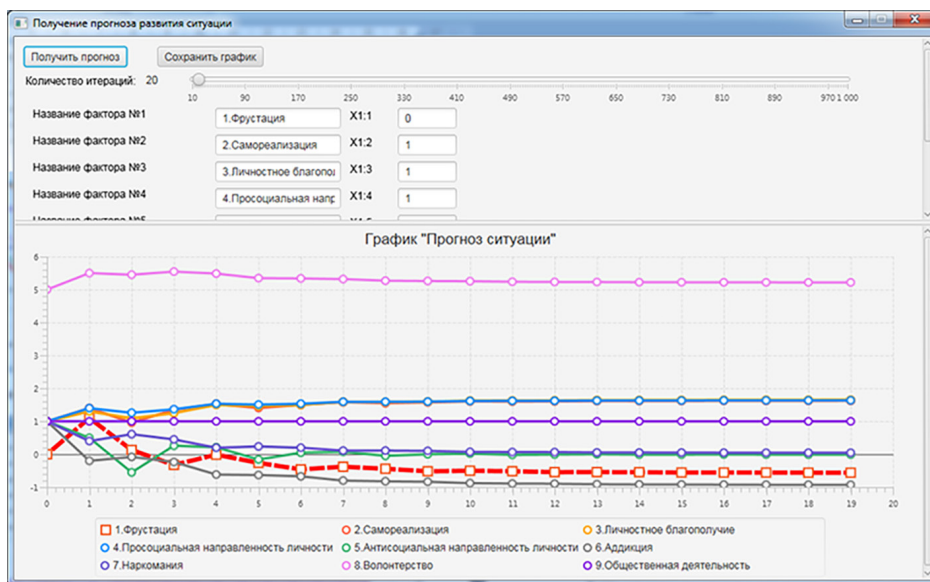

Рис. 10. Целевой фактор равен $-0,55$ усл.ед. Условие: увелич. в 5 раз управляющий фактор 8 (волонтерство). Целевой фактор практически не изменился, приблизительно та же цифра ($-0,55$) по сравнению с первым имитационным экспериментом

Fig. 10. The target factor is equal to -0.55 units. Condition: the control factor 8 (volunteering) has been increased 5 times. The target factor has practically not changed, approximately the same figure (-0.55) compared to the first imitation.the expert.

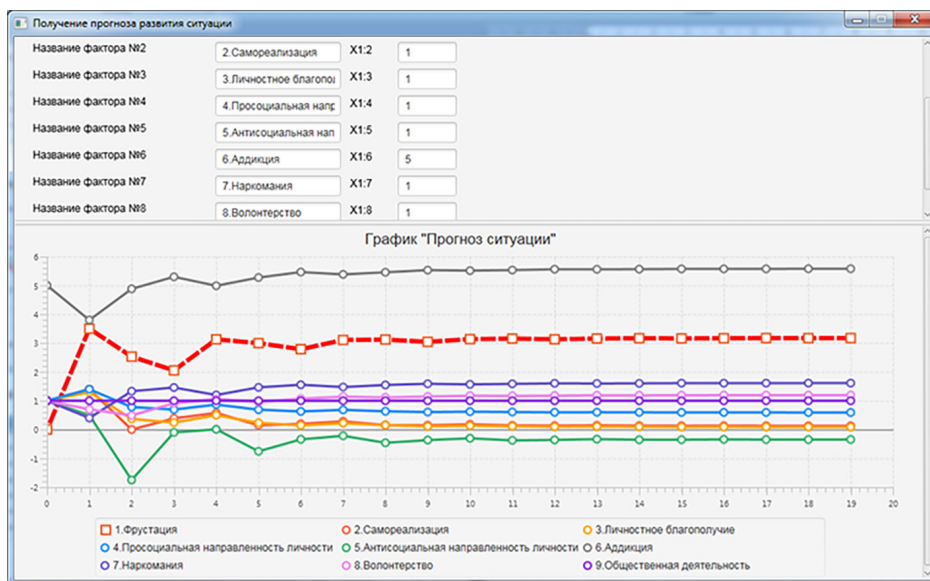

Рис. 11. Целевой фактор равен $3,0$ усл.ед. Условие: увелич. в 5 раз управляющий фактор 6 (аддикция). Целевой фактор увеличивается ($3,0$) по сравнению с первым имитационным экспериментом

Fig. 11. The target factor is 3.0 units. Condition: the control factor 6 (addiction) is increased by 5 times. The target factor (3.0) compared to the first imitation.the expert.

Результат третьего имитационного эксперимента указывает на неоднозначность фактора «волонтерство». Так, в статье Clemens K. J. и Holmes N. M. приведен факт, что в одном из бразильских проектов по борьбе с наркоманией работали семьдесят волонтеров и большинство из них сами стали наркоманами (Clemens, Holmes, 2018).

Заключение

В результате проведенного исследования подтвердилась первая гипотеза о взаимосвязи фрустрации базовых потребностей и социально опасных форм поведения. В качестве примера социально опасной формы поведения было рассмотрено аддиктивное поведение в части риска распространения наркомании. Результаты применения методов когнитивного моделирования, а также имитационного вычислительного эксперимента позволяют утверждать, что риск формирования социально опасного поведения, в частности различных форм аддикций и распространения наркомании, находится в прямой зависимости от фрустрации базовых потребностей человека. Чем сильнее выражена фрустрация, тем выше риск формирования аддикций, и наоборот, усиление зависимостей различного рода приводит к усугублению фрустрации базовых потребностей.

В то же время вторая гипотеза о возможности профилактики социально опасных форм поведения посредством включения человека в общественную деятельность, в частности в добровольчество, подтвердилась лишь частично.

Результаты эксперимента продемонстрировали однозначную зависимость уровня фрустрации базовых потребностей человека, а также его самореализации со степенью его включенности в общественную деятельность. То есть широкое участие людей в общественной деятельности позволяет комплексно и полноценно актуализировать базовые потребности и снижать тем самым риски возникновения социально опасного поведения, в особенности аддикций, и, в частности, наркомании.

Вовлечение человека в волонтерскую деятельность не является фактором снижения фрустрации базовых потребностей, как и личностное благополучие. Последний факт объясняется тем, что личностное благополучие является комплексной характеристикой актуального состояния человека и имеет лишь опосредствованную связь с остальными управляющими факторами построенной модели.

В отношении волонтерства выявленный процесс объясняется тем, что, по сравнению с другими видами общественной деятельности, добровольчество не имеет достаточного уровня системной организованности и носит в значительной степени ситуативный и спонтанный характер с высоким уровнем неопределенности содержания и направленности, а также социально сформированных личностных профилей участников. При этом в плане определения научной значимости необходимо подчеркнуть корреляцию результатов нашего исследования с выводами зарубежных коллег.

Список литературы / References

Abbdulin S. N. & Bitsheva A. V. Predotvrashcheniye nezakonnoy oborota narkoticheskikh sredstv i ikh analogov s ispol'zovaniyem komp'yuternykh tekhnologiy (seti internet) [Prevention of illicit trafficking in narcotic drugs and their analogues using computer technology (Internet)]. In: *Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice [Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice]*, 2023, 253–257.

Belov V. G., Parfenov Yu. A. & Malinina N. S. Frustration as a predictor of deviant behavior in adolescents. In: *Scientific notes from Lesgaft University*, 2011, 11, available at: www.cyberleninka.ru/article/n/frustratsiya-kak-prediktor-deviantnogo-povedeniya-u-podrostkov.

Gilyadova I. A. O kriminologicheskikh aspektakh svyazi narkomanii s prestupnost'yu [On criminological aspects of the connection between drug addiction and crime]. In: *Aktual'nyye voprosy ustoychivogo*

razvitiya sovremennogo obshchestva i ekonomiki [Current issues of sustainable development of modern society and economy], 2023, 237–241.

Yelshanskiy S.P. & Abramishvili R.N. Oprosnik na opredeleniye patologii zavisimosti [Questionnaire to determine the pathology of addiction]. In: *Turbulentnost' i vyssheye obrazovaniye: vyzovy, resheniya, preodoleniye krizisa [Turbulence and higher education: challenges, solutions, overcoming the crisis]*, 2022, 119–126.

Ivanets N.N. *Psikhiatriya i narkologiya [Psychiatry and Narcology]*. Moskva, GELTAR-Media, 2006, 832.

Klimontova O.A. Psychological defense mechanisms. In: *Bulletin of Science and Creativity*. 2018, 12(36), available at: www.cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-psihologicheskoy-zaschity-1.

Korolenko TS., Dmitriyeva N. & Shpiks T. *Psikhologiya zavisimosti [Psychology of addiction]*. Moskva, LAP Lambert Academic Publishing, 2007, 188.

Levitov N.D. Frustration as one of the types of mental states. In: *Journal of Psychology*, 1967, 6, 118–130.

Logvinova M.I. Prosocial behavior: socio-psychological analysis. In: *Journal Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2021, 1(57), available at: www.cyberleninka.ru/article/n/prosotsialnoe-povedenie-sotsialno-psihologicheskij-analiz.

Logvinova M.I. Prosocial behavior: socio-psychological analysis. In: *Journal Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2023, 1(65), available at: www.cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskij-analiz-kriteriev-privlekatelnosti-molodezhnyh-subkultur-prosotsialnoy-napravlenosti-dlya-uchascheyasya.

Lozhnikov V. & Marenko V. Software for the computational experiment “Synthesis of the topological structure of the cognitive model”. In: *Journal of Physics*, 2020, 1441. (012148).

Marenko V.A., Luchko O.N. & Milcharek T.P. *Modeli kognitivnogo dissonansa lichnosti i ekstremizma dlya podderzhki prinyatiya resheniy [Models of cognitive personality dissonance and extremism for decision support]*. Novosibirsk, SO RAN, 2022, 99.

Milcharek T.P. & Milcharek N.A. Noncommunicativeness and the warrior complex in the diagnosis of the psychological complex of an extremist. In: *Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidova. Series Humanities*, 2018, 3(45), 93–99.

Mendelevich V.D. *Rukovodstvo po addiktologii [Guide to Addictology]*. Sankt-Peterburg, Rech, 2006, 250.

Mukhtarova L.M., Volov V.V. & Mukhametzyanova F.G. Sociocultural phenomenon of subjectivity. In: *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 2019, 2(10), available at: www.cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-fenomen-subektnosti.

Tapalova O.B. & Ponomarov D.V. Relevance of research into addictive behavior in adolescents. In: *Bulletin of Science*, 2024, 3(72), 3. 17–6.

Sukhodolov A.P., Marenko V.A., Bychkova A.M. Cognitive model “The spread of drug addiction”. In: *All-Russian Criminological Journal*, 2019, 13(4), 535–546

Novikova S.A. Rol' molodezhnykh subkul'tur v protsesse sotsializatsii podrostkov [The role of youth subcultures in the process of socialization of adolescents]. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya [Current issues of modern science and education]*, 2021, 2, 173–175.

Tsvetkova O.A. & Volkova O.V. On the issue of basic needs in health psychology. In: *Journal Psychologist*, 2021, 3, 34–45, available at: www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=35874.

Clemens K.J., Holmes N.M. An extended history of drug self-administration results in multiple sources of control over drug seeking behavior. In: *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 2018, 87, 48–55.